

Татьяна Сотскова

Он – разведенка с прицепом

УДК 82-3
ББК 84-4
С67

Сотскова Т.

С67 Он – разведенка с прицепом / Татьяна Сотскова. – М.: Литнет, 2026. – 276 с.

ISBN 978-5-524-00191-7

Развелась с мужем? Отлично! Самое время провалиться в другой мир! Новый мир оказался так себе: магия есть у всех, кроме меня. Билеты до Земли стоят бешено, и помощи нет! А еще все эти духи, которые не помогают, а только мешают в работе. К ним нужен особый подход!

И что делать? Работать, конечно. Билеты домой за воздух не купишь.

Мое последнее приобретение – должность няни у самого отчаявшегося эльфа на свете. Одинокий папаша с дочкой-катастрофой. Разведенка с прицепом, проще говоря.

Правила просты: не сойти с ума, не влюбиться в ушастого начальника и с помощью земной логики и пары крепких словечек доказать этому миру, что даже человек с Земли и без капли магии заслуживает своего счастливого конца.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00191-7

© Литнет, 2026

© Сотскова Т., 2026

Глава 1

Я села не в тот поезд. И дело было не в ошибке на табло или перепутанных платформах. Нет. Я села в первый подошедший состав, потому что мне было плевать, куда ехать. Лишь бы подальше. Подальше от него, от этих стен, впитавших наши ссоры и ложь, от всего, что еще вчера я называла жизнью.

Перрон встретил меня ледяным дыханием. Пахло дождём, так и не пролившимся, бензином и тоскливым одиночеством. Было холодно – не по-весеннему, а по-разведенному. Как будто сама вселенная решила подыграть моему внутреннему состоянию, вывернув меня наизнанку. Я стояла, вцепившись в ручку чемодана, прижимая его к груди, как тонущий хватается за соломинку. Внутри – ничто. Ни злости, ни слез. Просто тишина. Как будто кто-то безжалостно выдернул вилку из розетки, и моя душа разом погасла.

Три года. Целая жизнь, построенная на песке. Я выстраивала наш быт: уют в квартире, ужины при свечах, бесконечные списки покупок, планы на отпуск у моря. Я уже представляла, как в детской зазвучит смех. Я ждала его с работы, заглушая собственную усталость, готовила его любимые блюда, а заодно и обеды с собой. А он в это время думал, что я – холодная. Холодная! Та, что согревала его дом своим теплом.

А она... Та самая, с которой мы проливали литры вина на кухне, плакали в три ручья из-за первых неудач в любви, шептались до рассвета, доверяя самые потаенные мысли. Та, кому я открыла душу. И она, глядя мне в глаза, сказала: «Прости. Я не могу бороться с чувствами».

Предательство возведено в ранг высокой страсти. Измена облачена в тогу романтической безысходности. Очень, блин, удобно для них обоих!

Я подала на развод. Отказалась от всего, что было «нашим». От квартиры, которую он, по сути, и купил. Я не тянула ипотеку,

лишь исправно платила за коммуналку – из гордости, из жалкой попытки доказать, что я не нахлебница, что и мой вклад в этот дом что-то значит.

Я ушла налегке. Взяла только то, что было безоговорочно моим: пару мешков с одеждой, купленной на свои деньги, косметику, телефон, зарядку. И старого плюшевого медвежонка, которого мне в далеком детстве подарил папа. Он один не предавал.

После суда мир опустел. Мама, конечно, знала всё. Голос в трубке звучал жалостливо и гневно: «Приезжай, дочка. Мы этого козла Веню так...! И эта стерва, которая подругой прикидывалась...».

Но мама – это мама. Ей нельзя рассказать, как на самом деле разрывается душа, как хочется выть от бессилия и сжечь все дотла. Ее поддержка – другая, она из мира, где все проблемы решаются чаем с пирожками.

Я купила билет до Костромы. В бабушкин дом, с покосившимся крыльцом, где я в детстве пила какао, глядя на звезды. Место, где можно было сбросить кожу взрослой, уставшей женщины и снова стать просто девочкой.

Что делать дальше – не представляла. В голове – шум, белый шум отчаяния. Подруги, которой можно было бы выплакаться, больше не существовало. Я опустила на холодную скамейку. Телефон агонизировал, показывая жалкие 7 %. Самоистязания ради, я открыла нашу переписку.

Самое последнее сообщение от него, отправленное уже после заседания суда: «Лиза, мне жаль».

Всего три слова. Три слова, которые должны были стереть три года жизни. Слово это волшебное заклинание, после которого я должна воскликнуть: «А, ну раз ему жаль, тогда ладно! Прощаю! Забудем!» и пойти печь блины.

Мне тридцать. В этом возрасте предательство бьет иначе, не как в юности. Мир не рухнул, я это понимаю. Я выживу, я буду счастлива, я поднимусь. Но мне тридцать! А это значит, что тикают уже

не школьные часы, а биологические. Я так хотела детей. Верного мужа. Простого, такого наивного женского счастья.

Были темные мысли. Жестokie. Хотелось отомстить. Разделить эту проклятую квартиру и продать свою долю первым встречным алкоголикам. Оставить анонимку на работе, устроить показательный скандал на весь район... О, у меня был целый арсенал мести!

Но я сдержалась. Потому что опускаться до их уровня – значит стать такой же. Просто уехать. Вдохнуть полной грудью воздух, не отравленный его присутствием. Начать все с чистого листа. Выпить – да, не какао, как в детстве, а крепкого, терпкого вина, чтобы уснуть.

Я резко закрыла телефон, словно обожглась. В этот момент по перрону, с грохотом разрывая сырой воздух, прополз состав. Он выглядел странно – старомодный, темно-бордового цвета, с матовыми, почти непрозрачными стеклами.

«Ну, – мелькнула мысль, – какая-нибудь ретро-акция РЖД».

Привлекают туристов. Моя рука сама потянулась к билету в Кострому, но ноги уже несли меня к открывающимся дверям этого призрачного поезда. Куда бы он ни шел – лишь бы вперед. Лишь бы прочь.

Поезд был не просто старым. Он был старинным. Деревянные борта, отполированные временем до бархатного блеска, витые ручки на дверях, похожие на застывшие вьюны плюща. Окна, излучавшие изнутри теплый, медовый свет, будто в каждом горел не электрический фонарь, а настоящая свеча. На борту мелькнула изящная золотая вязь, но я не успела ее разобрать – поезд прошел слишком плавно и бесшумно.

– Последний рейс, мадам, – раздался у моего плеча голос.

Проводник. Но он выглядел так, будто сошел с витрины музея: форменная тужурка с блестящими пуговицами, шляпа-котелок с крошечным павлиньим пером, наглаженные до идеальных стрелок брюки. «Реконструкторы», – мелькнула в голове спасительная, рациональная мысль. – Садитесь, пока состав не ушел.

– Мне нужно до Костромы... – начала я, но мой голос потонул в странном, мелодичном гудке. Он не ревел, а пел – низкий, вибрирующий звук, похожий на звук гигантской камертоны. Рука сама потянулась к телефону с билетом, но ноги уже сделали шаг вперед, подчиняясь какому-то древнему инстинкту бегства.

– Вы заходите? – его вопрос повис в воздухе, не требующий ответа.

Я кивнула, и тяжелая дверь с медной фурнитурой отворилась сама, без скрипа, приглашая меня внутрь.

Тишина. Это было первое, что обрушилось на меня. Ни гула моторов, ни привычного постукивания колес, ни приглушенного гула голосов.

Абсолютная, звенящая тишина, как в соборе. И запах... Пахло сухими осенними листьями, корицей, воском и старой, мудрой бумагой. Как в бабушкином чердаке, где хранились вещи, помнившие другую эпоху. И в вагоне не было ни души.

Я опустилась на ближайшее сиденье, обитое выцветшим, но благородным бархатом. Чемодан поставила рядом, как единственного спутника. Телефон на коленях хрипло пискнул – 1 %. На экране красовался безрадостный значок: «Нет сигнала». Я горько усмехнулась.

– Даже здесь. Даже по дороге в никуда нет связи, – прошептала я, обращаясь к мертвому гаджету.

Поезд тронулся. Не с толчка, а с невесомого скольжения, будто его подхватила и понесла невидимая река. Я не почувствовала ни вибрации, ни движения. Только за окном начали уплывать назад огни перрона, затем расплылись очертания зданий, и вдруг... земля ушла из-под колес. Совсем.

Я вжалась в кресло. Мы плыли сквозь бархатную тьму ночи, поднимаясь все выше. За стеклом проплывали облака, не белые и пушистые, а серебристые, призрачные, словно сотканые из лунного света. А выше – звезды. Они не холодно мигали, а переливались теплым, живым светом, будто каждая была крошечной каплей расплавленного золота.

Одна из них, самая дерзкая, сорвалась с небосвода и, оставив за собой искристый шлейф, пронеслась прямо мимо моего окна.

– Что за черт?! – я вскочила, прижав ладони к холодному стеклу. Сердце колотилось где-то в горле, смешивая страх с восторгом. – Что это? Где я?

Телефон издал предсмертный хрип и погас. Экран превратился в черное безжизненное зеркало. Больше никаких сообщений от «него». Больше никакой связи с прошлой жизнью. Ирония судьбы была столь совершенна, что даже паника на мгновение отступила, уступив место горькому изумлению.

Я снова села, пытаюсь дышать глубже.

«Это сон, – твердила я себе, сжимая виски. – Истерика. Нервный срыв. Все, что угодно, только не... это».

Я зажмурилась, считая до десяти. Раз-два-три... Я вижу внутренним взором его улыбку, такую неискреннюю теперь. Четыре-пять-шесть... Слышу ее сладкий, предательский голос. Семь-восемь-девять...

Я открыла глаза. Облака. Звезды. Тишина.

Решимость найти хоть какое-то рациональное объяснение погнала меня по вагону. Я шла по мягкому ковру, вглядываясь в пустые купе. Никого. Только в самом конце вагона, в золоченой раме, висело овальное зеркало.

Я подошла к нему и замерла. Из глубины на меня смотрела я сама – бледная, с размазанной по щекам тушью, всклокоченным хвостом. И этот дурацкий шарф. Серый, с косой вязкой. Я вязала его долгими зимними вечерами, мечтая, как он будет согревать его. Символ моей слепой, наивной любви.

Рука сама потянулась к шее. Одним резким движением я сорвала его и швырнула на пол, в пыльную тень между сиденьями.

– На, – прошипела я. – Забирай. Мне ничего твоего не нужно.

Вернувшись к своему месту, я снова прильнула к окну. И вовремя. Внизу, в разрыве облаков, мелькнул огромный, величественный

силуэт. Не птица, не самолет... Существо с гигантскими кожистыми крыльями, которое медленно и мощно взмахнуло ими, растворяясь в туманной дали.

И тут до меня наконец дошло. Это не кино. Не глюки. И уж точно не дорога в Кострому к маме.

Я сидела в поезде, следующем в неизвестность. И вместо ледящего ужаса, по телу разлилось странное, щекочущее спокойствие. Какая разница, куда мы едем? Главное – подальше. Подальше от него. И, похоже, мое желание было услышано вселенной куда более буквально, чем я могла предположить.

Я закрыла глаза, и на какое-то время уснула, ожидая прибытия в новое место, где бы оно ни было.

А в какой-то момент поезд наконец остановился, и я медленно пошла к выходу. Опасаясь того, куда могла попасть.

Дверь вагона мягко закрылась за моей спиной, и тишина волшебного поезда сменилась непривычным гулом. Я стояла на перроне, не в силах пошевелиться. Воздух был другим – густым, сладковатым, пахнувшим спелыми фруктами, незнакомыми цветами и... озоном, будто после грозы.

– Элирия, мадам. Конечная, – его голос прозвучал как будто издалека.

Я медленно обернулась. Проводник все так же любезно улыбался, его шляпа с пером отбрасывала на песчаные плиты пола странную тень.

– Это... где? – выдавила я, чувствуя, как почва уходит у меня из-под ног в самом прямом смысле. – Я еду в Кострому!

– О, простите, вы, наверное, впервые пользуетесь нашим «Маршрутом Пересечения», – его улыбка стала чуть шире, почти заговорщицкой. – Если Элирия – не ваш конечный пункт, а лишь пересадка, проследуйте, пожалуйста, на соседний междоуличный вокзал. С вашим билетом вам помогут сориентироваться.

Внутри всё сжалось в ледяной ком. Междоуличный вокзал? Я судорожно потянулась за телефоном, но пальцы наткнулись на хо-

лодный, безжизненный экран. Проклятие! Загуглить эту «Элирию» было бы хоть каким-то якорем в реальности.

На автомате я побрела по перрону из розоватого мрамора, пока не уперлась взглядом в деревянную табличку с затейливой резьбой: «Добро пожаловать в Элирию! Врата между мирами».

Под ней зиял арочный проход, ведущий куда-то вовне. Вокзал. Надо найти вокзал. Это была единственная спасительная мысль. Я толкнула массивную дверь и замерла.

Меня охватил водоворот звуков и красок. Площадь, вымощенная сияющим камнем, кипела жизнью, но какой! Мимо спешили существа всех форм и размеров: высокие эльфы с серебристыми волосами, коренастые бородатые гномы, звенели крыльями крошечные феи. Воздух был наполнен не только голосами, но и музыкой, доносящейся из ниоткуда. И прямо напротив, как маяк, висела вывеска «Межмировой Вокзал».

Я сделала шаг, потом другой, цепляясь взглядом за цель. Но путь мне преградила... лапа. Зеленая, покрытая изумрудной чешуей, с мощными когтями, аккуратно подпиленными.

Сердце упало куда-то в ботинки. Я медленно, с трудом перевела взгляд вверх, по кожаным крыльям, сложенным за спиной, по мускулистой шее, и остановилась на... морде. Самой настоящей драконьей морде с умными, золотистыми глазами, в которых читалось профессиональное терпение и легкая скука.

Мир поплыл. Я судорожно сглотнула, ожидая, что вот-вот рухну в обморок и очнусь в привычной, скучной и безопасной Кострому.

– Билет, мадам? – раздался низкий, бархатный бас, исходивший, без сомнения, из этой груди.

Мозг отказался обрабатывать информацию. Дракон. Говорит.

– Ч-что? – это был не вопрос, а скорее хриплое подтверждение того, что я не сошла с ума.

– Ваш билет, – он повторил, терпеливо, как учитель нерадивому ученику. В другой лапе он держал аристократический блокнот

и перо. – Если вы намерены проследовать в другой мир, предъявите, пожалуйста, билет. Вы его приобрели?

Я могла только бессмысленно покачать головой, ощущая себя полной идиоткой.

– А вы... простите, кто? – прошептала я, отступая на шаг.

– Я – проводник, – дракон тяжело вздохнул, и из его ноздрей вырвались два аккуратных клуба пара. – Если вас смущает моя раса, могу порекомендовать воздушные маршруты. Там драконов нет.

– Дра-дракон? – мой голос сорвался на писклявый фальцет. Ноги подкосились, и я мягко шлепнулась на теплую мостовую. – Живой?

– Нет, блин, надувной, для антуража, – в его голосе впервые прозвучало раздражение, и кончик массивного хвоста занервно забил по камням. – Конечно, живой! Иначе бы я здесь не стоял. Или вы из этих... охотников за чешуей?

– Я из тех, кто видит дракона впервые в жизни! – выпалила я, чувствуя, как воздуха снова не хватает.

Внезапно он наклонил свою огромную голову, его золотистые зрачки-щелки пристально всмотрелись в мое лицо. В его взгляде мелькнуло понимание.

– Землянка, что ли? – спросил он, и тон его смягчился.

Я смогла лишь кивнуть, пытаясь подняться. Колени не слушались. Дракон, к моему ужасу, мягко подсунул под локоть кончик своего хвоста, оказавшийся на удивление упругим и надежным, и помог мне встать.

– Не бойся, – он махнул лапой, словно отмахиваясь от моих страхов. – Мы тут не опасные. На «незаряженных» не охотимся. Но сама виновата – не тем поездом воспользовалась. Хочешь домой? Плати. За тебя этого никто делать не будет. Проезд через миры – удовольствие не из дешевых.

– А... сколько? – спросила я, уже автоматически, цепляясь за любую возможность вернуть контроль.

– Тысяча золотых монет, – огорошил он. – И не вздумай сунуть мне свои земные бумажки. Они тут городу не нужны. Кто станет